

Роман Шиженский

Нижегородский государственный педагогический университет им.
К. Минина, Россия

Особенности нового языка («Новоязы») русских язычников XXI века¹

Abstract

Features of the new language (“novoyaz”) of Russian pagans of the XXI century. Contemporary paganism, like other new religious movements, includes theoretical explanations and substantiations of the doctrines created by ideologists of associations, oral speeches of leaders, replicated in the form of narratives, electronic carriers, fixed prophecies, and writings of adherents (usually within the first generation). Russian paganism of the XXth–XXIst centuries has its own “novoyaz”, created by the founders of communities and implemented in ritual practice. Modern “pagan language” is manifested in onomastics, ritual terminology and in the construction of magical verbal formulas. «Novo-lingua» used by today’s polytheists is represented by “science-like” and “ethnically enriched” groups; they are characterized by the use of the practice of text complexity. In addition, following other NSDs, pagans are “determined” by a set of standardized markers that are expressed in basic concepts and expressions. One of the characteristic features of the successfully implemented project “pagan seal as a commodity” is the eclecticism of the source of traditional paganism and the new - constructed. This specificity is realized through the textual work of the leader-author, the formula “copy-paste”, due to which the pagan “new people” acquires the features of a full-fledged “historical” source. In this connection, it is possible to draw parallels between the «new language of new pagans» and the phenomenon of “folk-

¹ The article was prepared with the financial support of the Russian State National Scientific and Research Foundation within the framework of the research project “Integrated historical and religious study of the phenomenon of Russian neopaganism” (project No. 15-31-01247).

stories”. Like the latter, the “historical” creations of modern leaders from nativism pretend to be true in the last instance.

Особенности нового языка («Новоязы») русских язычников XXI века. Современное язычество, подобно иным новым религиозным движениям (НРД), включает теоретические изложения и обоснования учений, созданные идеологами объединений, устные выступления руководителей, растиражированные в форме нарративов, электронных носителей, фиксированные пророчества, сочинения адептов (как правило, в рамках первого поколения). Русское язычество XX-XXI веков обладает собственным «новоязом», созданным основателями общин и реализуемым в ритуальной практике. Современный «языческий язык» проявляется в ономастиконе, обрядовой терминологии и в конструировании магических словесных формул. «Новоязы», используемые сегодняшними политеистами, представлены «научнообразными» и «этнически обогащенными» группами, для них характерно использование практики усложнения текста. Кроме того, вслед за другими НРД, язычники «определяются» набором стандартизированных маркеров, нашедших выражение в базовых понятиях и выражениях. Одной из характерных черт успешно реализуемого проекта «языческая печать как товар» является эклектизм источниковой базы традиционного язычества и нового – конструируемого. Данная специфика реализуется через текстологическую работу лидера-автора, формулу «копировать-вставить», за счет которой языческий «новояз» приобретает черты полноценного «исторического» источника. В этой связи можно провести параллели между «новым языком новых язычников» и феноменом «фолк-хистори». Подобно последней, «исторические» творения современных лидеров от нативизма претендуют на истинность в последней инстанции.

Keywords Russian neopaganism, community, narrative, leader, “newspeak”, terms, “we-group”, construct

Русское неоязычество, община, нарратив, лидер, «новояз», термины, «мы-группа», конструкт.

История становления современного русского язычества уходит своими корнями во вторую половину 1970-х годов XX столетия и непосредственно связана с мировоззрением и деятельностью оппозиционера от политики, пантеиста и эко-анархиста, А. А. Добровольского (Доброслава (1938–2013 гг.)). Именно в «языческой версии» Добровольского, сегодняшний вариант русского политеизма, как яркого

представителя новых религиозных движений (далее: НРД), впервые обрел теоретическое обоснование – собственную мифологическую и социально-политическую концепцию и практическую реализацию – организацию и проведение языческих праздников («свят»)². В настоящее время, идеи «первого советского язычника» обрели новое наполнение в целом ряде проекций лидеров языческих общин и союзов последних.

В связи со значительным развитием теоретической составляющей нового русского язычества, отдельного внимания заслуживает подробное рассмотрение особенностей вероучительных текстов российских НРД, проанализированных отечественными учеными А. А. Ожигановой и Ю. В. Филипповым. Ссылаясь на опыт мировых религий, авторы приходят к заключению об отсутствии в НРД сложившейся системы «священных писаний» и «священных преданий». Вместе с тем, ученые подчеркивают возможность доктринального оформления учений, движений в русле традиционной религиозности³ с учетом временного фактора. Применяя данное положение к существующей языческой сакральной источниковой базе, в целом следует согласиться с данным выводом. Вместе с тем, рассматривая текстологическую базу некоторых российских и украинских «родноверческих» групп и отдельных лидеров движения, мы вынуждены констатировать наличие «священного писания». Несмотря на многочисленные специализированные научные работы, доказывающие псевдоисторичность знаменитой «Велесовой книги»⁴, и в XXI веке некоторые язычники находят основы мифологии, обрядовой практики, этногенеза и истории славян в фальсификации Ю. Миролубова. Как абсолютно точно отметили А. А. Ожиганова и Ю. В. Филиппов, идеологи НРД являются активно пишущими авторами⁵ и, как в случае с «Велесовой книгой», «священное писание» создается самими лидерами групп. Взяв за основу легенду «Влес книги», традиционно сославшись на дощечки, «Несторы от язычества»,

2 Подробнее cf. Р. В. Шиженский, *Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского)*, Нижний Новгород 2014.

3 А. А. Ожиганова, Ю. В. Филиппов, *Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики*, Москва 2006, с. 81.

4 *Что думают ученые о Велесовой книге: сборник статей*, ред. А. Алексеев, Санкт-Петербург 2004.

5 А. А. Ожиганова, Ю. В. Филиппов, *Новая религиозность в современной России*, указ. соч., с. 84.

предлагают свой – единственно верный перевод «велесицы». Подчеркнем, бум на данный псевдоисточник закончился еще в конце 1990-х годов. Во втором десятилетии XXI века в РФ наиболее плодовитым автором-составителем рассматриваемого произведения является глава Новороссийской северокавказской общины «Славянское наследие», входящей в объединение «Родовой Союз Славян», Г. З. Максименко (Славер). На 2017 год им подготовлено пять изданий «Велесовой книги». На Украине тексты Миролубова были адаптированы под верования движений «Родной Украинской Веры» и «Объединение Родноверов Украины»⁶. Таким образом иллюстрируется еще одно положение авторов «Новой религиозности в современной России» о догматике именно авторства в НРД, приоритетом последнего над набором текстов и их иерархии. Весь багаж текстов, распространенных в среде новых религиозных движений, А. А. Ожиганова и Ю. В. Филиппов объединяют в четыре категории. Первая – «теоретические изложения и обоснования учений». Авторы текстов – основатели движения. Рассматривая творчество писателей «нового язычества», отметим, что подавляющее большинство из них и являются дидасками общин, союзов. Лидеры политеизма вынуждены создавать текстовый массив верования в силу элементарной молодости мировоззренческого феномена. Соответственно, как и в случае с иными НРД, «неоязыческие» канонические тексты весьма редки. «Каноничность» нарративов, как правило, не выходит за границы конкретной общины, в редких случаях – союза таковых. Вторая категория – устные выступления идеологов, растиражированные в форме книг, видеокассет и т.п. – так же широко представлена на языческом рынке религиозных услуг. В качестве примера, сошлемся на видеопroduкцию последователей И. Г. Черкасова (волхва Велеслава), руководителя московской общины «Родолубие» и одного из лидеров содружества общин «Велесов Круг». На период 2014 года было выпущено восемь дисков с 21 лекцией Велеслава, отдельные видеоносители с курсами по духовному самопознанию, годовому кругу языческих праздников и т.д. Этот пример теснейшим образом связан со следующей группой текстов, именуемых исследователями как пророческие. К подобным произведениям откровений,

6 Г. З. Максименко, *Велесова книга. Веды об укладе жизни и истоке веры славян*, Москва 2017; *Дажбожа Віра: Науковіоснови*, т. 1, кн. 1–3, Вінниця 2007; Г. С. Лозко, *Велесова Книга – Волховник*, Тернопіль 2010.

можно отнести «Книгу Родсвета», «Книгу Святогора», «Слово Алексея язычника роду русскому», «Мысли, навеянные Доброславу шабалинским лешим» или монографию Марко Поганчика «Элементарные существа»⁷. Завершает перечень текстов НРД категория «сочинения адептов». Система ученичества, применительно к русскому «родноверию», находится в стадии генезиса и напрямую формирует современную языческую каноничность. Несмотря на факт констатации язычества как веры первого поколения, мысли идеологов находят отклик в среде последователей. Так, общая концепция «русского освободительного движения» Добровольского (Доброслава), получила продолжение в анонимном издании «Язычество без грифа «секретно»; созданный Черкасовым «Шуйный путь» реализуется, приобретает новое наполнение в творчестве новосибирского представителя скандинаво-германского язычества Е. А. Нечкасова (Askrsvarte); украинская волхвиня Зореслава (Г. С. Лозко) – наследница творчества основателя украинского «родноверия» Владимира Шаяна.

Подтвердив присутствие в теоретических разработках современного язычества всех категорий текстов, характерных, согласно исследованию А. А. Ожигановой и Ю. В. Филиппова, для НРД, рассмотрим функционал последних, используя матрицу авторов, основанную на функциональном подходе В. С. Семенцова. Взяв за пример традиционную религиозность, ученые считают наиболее характерной функцией «священного писания» ритуальную. В связи с особенностями содержания, регламентирующим поведение прозелитов, сакральные тексты дополняются «священными преданиями», разъясняющими верующим основные положения «священных писаний». Как отмечалось выше, немногочисленные сакральные тексты, существующие в «неоязычестве», плод интеллектуального творчества лидеров «родноверческих» общин, одновременно совмещающих роли автора – транскриптора создаваемого текста. Максименко, Лозко, Гнатюки, ранее Асов, Ребиндер, Миролюбов и другие защитники «Довелесовых» и «Велесовых книг» не только вводят в сакральное пространство славянский «первоисточник», но и сопровождают авторские переводы «дощечек Велеса»

7 *Искон веры. Книга Родсвета. Книга Святогора*, Москва 2001; *Слово Алексея язычника роду русскому*, Москва 1992; *Доброслав, Дерево-Целитель. Мысли, навеянные Доброславу Шабалинским Лешим*, Шабалино 1993; М. Поганчик, *Элементарные существа. Чувственная жизнь земли*, Калуга 2003.

авторскими же комментариями⁸. Соответственно в конкретном случае происходит совмещение «священного писания» со «священным преданием».

Ритуальный характер богослужения в большей степени проявляется в тех религиях, где существует особый язык культа, отличный от языка повседневного общения⁹.

Данное положение универсально и присутствует как в практике мировых религий, так и НРД. Применительно к современному политеизму, создание «новояза», как и подавляющего числа дискурсов нового мировоззрения – приоритетная сфера, закреплённая за лидерами. На примере русского языческого материала язык для посвящённых проявляется в ономастиконе, обрядовой терминологии и в конструировании магических словесных формул (обращений к богам, «славлений», заговоров) и сопровождает отечественную версию «родноверия» с момента появления – конца 70-х годов XX века. Знакомство интересующихся, неофитов, прозелитов движения со «священным языком» происходит на праздничных мероприятиях (в частности обрядах годового цикла, посвящениях, свадьбах), а также через изучение многочисленных нарративов, содержащих языческие «именословы» и «словники» (обращения к богам)¹⁰. Кроме того, русским язычникам современности при создании произведений в стиле «новояза» свойственно и «усложнение текста», обнаруживаемого исследователями во многих НРД. В качестве

8 Б. Ребиндер, *Велесова книга: життя та релігія слов'ян*, Київ 1993; *Велесова книга*, перевод и комментарии А. И. Асова. Москва 1994; *Довелесова книга. Древнейшие сказания Руси*, Москва 2007. Здесь же отметим еще одну особенность авторства в текстах НРД, проявляющуюся в безграничном доверии паствы сочинению лидера. Преобладание уровня «правдивости» этого авторского компонента над «древним текстом». Сф. Л. П. Гунько, *Лидерство в новых религиозных движениях: от методологических характеристик к содержательным*, в: *Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции 14.12.2012 Москва*, отв. ред. Е. С. Элбакян, Санкт-Петербург 2013, с. 83.

9 А. А. Ожиганова, Ю. В. Филиппов, *Новая религиозность в современной*, указ. соч., с. 93.

10 В. С. Казаков, *Именослов*, Москва 2011; В. Велеслав, *Веций Словник: Славления Родных Богов*, Москва 2007. В настоящее время анализ языческого «новояза» научным сообществом не проводился. Исключением является статья Г. С. Самойловой, посвященная рассмотрению языческих имен. Г. С. Самойлова, *Антропонимы как способ самовыражения в новых языческих течениях*, в: *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*, под ред. Р. В. Шиженского, Нижний Новгород 2016, с. 190–200.

примера приводим отрывок «Прославления Триглава», читаемый волхвами «ВК» на празднике «Перунов день»:

Триглавеесимногославедиде-дубе-снопе святы
вмитесородичей славящих боестеотроцы ваши
сварожевелике боже кий мощи в десницу вложе
отче громам Перуне силы Правидаруе¹¹.

Как отмечают авторы «Новой религиозности в современной России», публичное чтение подобных текстов вводит слушателей в определенную языковую атмосферу и провоцирует на использование элементов «новояза» в собственной речи. Соответственно, индивидуальное прочтение сакрального шифра, сопряженное с возможной последующей профанностью читающего неопита, укрепляет авторитет лидера-идеолога создателя текста:

даже если при обдумывании содержания он не придет к удовлетворяющему его уровню понимания, он скорее поверит в свою незрелость и в мудрость автора, чем в несовершенство идей или формы их изложения Учителем¹².

Соглашаясь со специалистами, исследующими особый язык НРД, выделим смысловые коннотации «новояза». Вслед за А. Баркер, А. А. Ожиганова и Ю. В. Филиппов к важнейшим функциям языков для посвященных относят решение задач идеологической сегрегации и повышения психологической самооценки adeptов. Таким образом, язык, слово, текст выполняют синкретическую функцию в НРД в целом и «неоязычестве» в частности. С помощью вербального и материального «новояза» потенциальный неопит и состоявшийся прозелит движения одновременно находятся в отношении партипации и дихтономии, реализуя свою важнейшую первоочередную идентификационную задачу принадлежности к сообществу «Мы-группы»¹³.

11 В. Велеслав, *Обрядник*, Москва 2003, с. 51.

12 А. А. Ожиганова, Ю. В. Филиппов, *Новая религиозность в современной России*, указ. соч., с. 96.

13 «Этот мир предлагает каждому вступающему в мы-группу актору социально оправданную систему типизаций и релеванностей. Чтобы функционировать в нем, субъект должен принять предлагаемые установки и использовать именно эту систему типизаций как

А. А. Ожиганова и Ю. В. Филиппов, выделяют два типа «новоязов» – «научнообразные» и «этнически обогащенные» – обеспечивающих популярность движению и наполняющих НРД религиозным экзотическим антуражем.

В первом случае слова поставляются путем прямого заимствования из иностранного языка по образцу заимствования специальных терминов в некоторых науках <...>. «Этнически обогащенные» языки отличает активное использование ими слов (терминов и имен), заимствованных из иных, как правило, восточных культур¹⁴.

«Научнообразность» характерна славянским языческим группам, конструирующим преимущественно внеэтническую религиозность, либо религиозность не славянского направления. Приверженцы северной языческой традиции – асатру (трот), единизма России, Украины и Беларуси – «верят в Одина», используя исключительно скандинавские термины в организационном устройстве (годорд – община, тинг – собрание, годи – руководитель общины, празднично-обрядовом цикле (Йоль – Зимнее солнцестояние, 20–22 декабря; Дисаблот – в период с 1 по 15 февраля; Остара – Весеннее равноденствие, 20–21 марта), онимии и теонимии (Турсы – древнейшие боги, называемые также великанами, наиболее связанные с силами неживой природы; Ваны – божества живой природы и плодородия; Асы – боги людей и мирового порядка)¹⁵ и т.д. Также и российские викканы используют англоязычные систему символов (карты таро, пентаграмма, каббалистический крест), набор теонимов (Херне-Охотник, Дева Ночи – Нюит, Кернуннос – Рогатый Бог) и праздников и т.д.¹⁶

Вместе с тем, для современного язычества свойственно использование и этнически обогащенного типа «новояза». Как правило, языковая «этника» фигурирует в группах, исповедующих славянское язычество.

схему ориентаций, формирования новых проектов религиозных действий, интерпретаций своего религиозного опыта» – Л. С. Астахова, А. В. Токранов, *Деструктивность в религиозном поведении*, „Ученые Записки Казанского Государственного Университета” 149 (2007) № 5, с. 29.

14 А.А.Ожиганова,Ю.В.Филиппов,*НоваярелигиозностьвсовременнойРоссии*,указ.соч.,с.87–98.

15 *Основы вероучения*, „Северный ветер” (2013) № 3, с. 14–19; *Основы вероучения*, „Северный ветер” (2013) № 4, с. 18. Особенность принятия нового имени при вхождении в НРД отмечал Л. Н. Митрохин. Сф. Л. Н. Митрохин, *Религии «Нового века»*, Москва 1985, с. 14.

16 См. „Викканский Вестник” 2013 № 4.

«Наборы своей» терминологии, помимо непосредственного использования во время празднично-церемониальных мероприятий, издаются в виде специальной справочной литературы, где могут чередоваться с понятийным комплексом стандартных терминов, однако, раскрытых авторами сборников под иным углом смысловых значений. Так, дефиниции «новояза» «Явь», «Правь» и «Навь» – три мира новой славянской мифологии, могут «сосуществовать» с термином «лес», имеющего кроме традиционного прочтения сугубо языческое:

Л. Является местом проведения части календарных обрядов, преимущественно весенне-летнего цикла... Здесь же совершают обряды, относимые к тайным, в первую очередь посвятельные¹⁷.

Базовые понятия и выражения интенционального языка, существующие, по мнению исследователей во всех НРД, легко обнаруживаются и во всевозможных версиях современного язычества. Так, славянское «родноверие» выкристаллизовывается через дефиниции: община, волхвы, традиция, капь (капище – место отправления культа), треба (жертва). Вместе с тем, в отличие от восточных НРД, проанализированных А. А. Ожигановой и Ю. В. Филипповым, тематическое наполнение «неоязыческих» бесед не сводится лишь к аспектам религиозной практики, ее результатам. В силу специфики становления и развития, непосредственное вероучительное поле значительно «разбавляется» обсуждением политических вопросов, вопросов «выживания» в инакомыслящем, иноконфессиональном обществе и др.

Крайне интересна специфика языка, реализуемая в современном языческом маркетинге, формуле «печать-как-товар». Важность данной функции печати весьма наглядно описал известный английский политолог Б. Андерсон, использовав в качестве примера опыт протестантизма. Если для британского исследователя первым автором бестселлеров, сумевшим продать новые книги, опираясь на свое имя, стал Лютер, то для русского языческого поля последней трети XX столетия такой фигурой, безусловно, являлся А. А. Добровольский (Доброслав),

¹⁷ Русское языческое мировоззрение: пространство смыслов. Опыт словаря с пояснениями, под общ. ред. С. Ермакова, Москва 2008, с. 102. О «неоязыческом триумфизме», cf. Р. Шиженьский, «Явь», «Правь» і «Навь» як релігійно-філософські основи слов'янського неоязичництва, „Колегія. Часопис Інституту релігійних наук св. Томи Аквінського у Києві” (2011) № 7 (20), с. 122–133.

за годы своей просветительской деятельности сумевший выпустить более сорока работ. Как и в случае с протестантизмом, одним из важнейших факторов распространения идеи через книгу стала дешевизна доброславовских изданий. Со временем эстафету пионера языческого печатного слова переняли В. С. Казаков, Н. Н. Сперанский, Б. А. Гасанов, И. Г. Черкасов и многие другие. Появились и активно работали (ют) с писателями от политеизма специализированные издания: «Ладога-100», «Велигор» и т.д.

Исследуя генезис «воображаемых сообществ», Андерсон отмечает, что печатные языки закладывали основы национального сознания тремя разными способами. Два способа набором функциональных характеристик идентичны становлению русского язычества XX века.

Во-первых, и в первую очередь, они создавали унифицированные поля обмена и коммуникации <...> [люди] обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали. И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной, партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества¹⁸.

Выделяемый способ, характерен и для влияния «языческого печатного языка». Если на заре своего становления коммуникатором, связывающим отдельных идеологов рассматриваемого феномена, выступали эпистолярные источники, объявления¹⁹, самиздатовские листовки

18 Б. Андерсон, *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*, Москва 2001, с. 65.

19 В данной связи приведем фрагмент интервью с лидером одной из первых языческих групп В. С. Казаковым: «В 1993 г., когда танки стреляли по Белому дому, я решил, что надо что-то делать, написал Вячеславу Пальмину письмо о том, что хочу вступить в русско-языческую партию. Мы встретились с ним в сентябре 1993 г. на улице Салтыкова-Щедрина, около клуба «Кемз», поговорили. Я у него спросил, сколько людей в русско-языческой партии в Калуге, он ответил, что трое. Я сказал, что тоже хочу вступить и с этим надо что-то делать. Надо не партию создавать, так как напряженная политическая обстановка, а религиозную организацию. Тогда здесь относительная свобода была, ходили и «Белая братия», «свидетели Иеговы» и многие другие. Для привлечения людей начали писать статьи в газету – бывшую газету компартии «Знамя». Я туда написал статью и подписался: Вадим Казаков, Калужская славянская община. Потом мы печатали на машин-

и рукописные растиражированные «волховники», то впоследствии осознание существования в России собственного языческого мира, пусть и не насчитывающего сотни тысяч членов, проявилось, как уже отмечалось, через нарративы лидеров, газетную и журнальную периодику²⁰ и одно из важнейших открытий конца XX века – Интернет.

Во-вторых, печатный капитализм придал языку новую устойчивость, которая в долгосрочной перспективе помогла выстроить образ древности, занимающий столь важное место в субъективном представлении о нации ...²¹.

Учитывая тот факт, что «древность», «исконность» – понятия, формирующие современное русское язычество уже на инстинктивном уровне, поиск архаики, с учетом высокого процента эквивалентной связи «исторического» славянского язычества с сегодняшним, позволяет идеологам выстраивать образ древности. Историчность достигается либо через прямое утверждение отсутствия прерывности языческой традиции, сохранение языческих воззрений в той или иной форме на протяжении всей русской истории²², либо через второстепенный канал восприятия данного постулата. К примеру, через публикацию исторических источников, историографии, посвященной изучению язычества древних славян, в едином издании с современными нарративами – плодом творчества сегодняшних волхов. Наиболее удачные примеры подобного эклектизма принадлежат И. Г. Черкасову (волхву Велеславу) – верховоде «Русско-Славянской Родноверческой Общины „Родолюбие“». В монографическом издании «Радения в храме Морены», после авторских глав: «Из Книги великой нави», «Из тайных речений в Храме

ке объявления с призывом ко всем славянам вступать в Калужскую славянскую общину ... Объявления расклеивали на домах, на фасадах, есть даже фотография, где мы стоим – я, Пальмин и Игорь Алехин, держим папочку с объявлениями и раздаем проходим эти листовки» Е. С. Суровегина, *Интервью с волхвом Вадимом*, „Colloquium heptaplomeres: Научный альманах“, Нижний Новгород 2016, вып. 3, с. 93–94.

- 20 „Родолюбие“, „Волховник“; „Коляда Вятичей“, „Дерево жизни. Газета этнического возрождения“; „Слава! Вестник Родового Славянского Веча“ (Санкт-Петербург); „Журнал «Родноверие»” (Москва-Калуга).
- 21 Б. Андерсон, *Воображаемые сообщества*, указ. соч., с. 65.
- 22 Д. А. Гаврилов, Н. П. Бруталовский, Д. Д. Авдонина, Н. Н. Сперанский, *Манифест языческой Традиции*, Москва 2007, с. 1; М. С. Васильев, Д. Ж. Георгис, Н. Н. Сперанский, Г. И. Топорков, *Русский языческий манифест*, Москва 1997.

Морены» – идет весьма объемная глава «Лики Мары/Морены в трудах российских историков и этнографов XVIII-XX вв.». Тот же принцип лег в основу книг «Славянская книга мертвых», «Родные Боги Руси»²³ и т.д. Данное положение подтверждает вывод Е. Г. Балагушкина об особенностях создания канонической литературы в НРД.

Импровизационная» форма текстов, строящаяся на постоянных обновлениях, переизданиях или, как в случае с книгами русских волхвов XX-XXI вв., на усилении историчности изложения за счет «разбавления» текста признанными источниками, «придает содержанию более динамичный характер и позволяет легче приспособить идеологию новых религий к меняющимся обстоятельствам и настроениям своих приверженцев»²⁴.

Таким образом, рассмотрение особенностей сакральных текстов НРД позволяет выделить ряд базисных элементов, характерных и для «неоязыческих» организаций. Последнее, в том числе, характеризуется наличием синкретизма «священных текстов» и «священных писаний», преобладающим авторитетом авторского слова лидера. Современное язычество, подобно иным НРД, включает теоретические изложения и обоснования учений, созданные идеологами объединений, устные выступления руководителей, растиражированные в форме нарративов, электронных носителей, фиксированными пророчествами, сочинениями адептов (как правило, в рамках первого поколения). Язычество XX-XXI веков обладает собственным «новоязом», созданным основателями общин и реализуемым в ритуальной практике. Новый «языческий язык» проявляется в ономастиконе, обрядовой терминологии и в конструировании магических словесных формул. «Новоязы», используемые сегодняшними политеистами, представлены «научно-образными» и «этнически обогащенными» группами, для них характерно использование практики усложнения текста. Кроме того, вслед за адептами НРД, язычники «определяются» набором стандартизированных маркеров, нашедших выражение в базовых понятиях и выражениях. Одной из характерных черт успешно реализуемого проекта

23 В. Велеслав, *Радения в Храме Морены*, Москва 2014; В. Велеслав, *Славянская Книга Мертвых*, Москва 2015; В. Велеслав, *Родные Боги Руси*, Москва 2009.

24 Е. Г. Балагушкин, *Проблемы морфологического анализа религии*, Москва 2003, с. 122.

«языческая печать как товар» является эклектизм источниковой базы традиционного язычества и нового – конструируемого. Последняя реализуется через текстологическую работу лидера-автора, формулу «копировать-вставить», за счет которой языческий «новояз» приобретает черты полноценного исторического источника. В этой связи можно провести параллели между «новым языком новых язычников» и феноменом «фолк-истори». Подобно последней, «исторические» творения современных лидеров от нативизма претендуют на истинность в последней инстанции²⁵.

Таким образом, русский неоязыческий «новояз» представляет сложный многогранный феномен, формирующийся на стыке филологии, этнографии и истории. Под новым языком новых язычников во-первых, следует понимать сакральный язык, используемый современными волхвами в религиозных практиках и представляющий собой эклектику из сохранившихся этнографических, фольклорных источников, и мифологических, заговорных текстов идеологов движения. Во-вторых, «новояз» – этнический идентификатор, через терминологию определяющий конструируемую принадлежность той или иной общины. В-третьих, новый язык – своеобразный двигатель новой языческой истории, формирующий «правильное» прошлое за счет все того же «купажа» академических данных и собственной истории родоверческих вождей.

Bibliografiâ

Istočniki i issledovaniâ

- Anderson B., *Voobražaemye soobšestva. Razmyšleniâ ob istokah I rasprostraneniî nacionalizma*, Moskva 2001.
- Balaguškin E. G., *Problemy morfologičeskogo analiza religii*, Moskva 2003.
- Čto dumaût učenyje o Velesovoj knige: sbornik statej, eed. A. Alekseev, Sankt-Peterburg 2004.
- Dažbožna Vira: Naukoviosnovi*, t. 1, kn. 1–3, Vinnicâ 2007.

²⁵ Подробнее о «фолк-истори» cf. Д. Володихин, *Феномен Фольк-Истори*, Научно-просветительский журнал «Скепсис», [Электронный ресурс], http://scepsis.net/library/id_148.html (10.04.2017); В. Дорофеев, *Псевдонаучная литература в контексте возрождения дохристианских верований в современной России*, „Аналитика культурологии” № 20, Тамбов 2011, с. 88–92.

- Dobroslav [A. A. Dobrovol'skij], *Derevo-Celitel'. Mysli, naveânyye Dobroslavyy Šabalinskim Lešim*, Šabalino 1993.
- Dorofeev V., *Psevdonaučnáâ literatura v kontekste vozroždeniâ dohristianskih verovanij v sovremennoj Rossii*, „Analitika kul'turologii” № 20, Tambov 2011, s. 88–92.
- Dovelesova kniga. Drevnejšie skazania Rusi*, Moskva 2007.
- Gavrilova D. A., Brutal'skij N. P., Avdohina D. D., Speranskij N. N., *Manifest âzyčeskoj Tradicii*, Moskva 2007.
- Gun'ko L. P., *Liderstvo v novyh religioznyh dviženiah: ot metodologičeckih harakteristik k soderžatel'nyv, v: Novye religii v Rossii: dvadcat' let spustâ. Materialy Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferenciji 14.12.2012 Moskva*, otv. red. E. S. Èlbakân, Sankt-Peterburg 2013, s. 78–86.
- Iskon very. Kniga Rodocveta. Kniga Svätogora*, Moskva 2001.
- Lozko G. S., *Velesova Kniga – Volhovnik*, Ternopil' 2010.
- Kazakov V. C., *Imenoslov*, Moskva 2011.
- Maksimenok G. Z., *Velesova kniga. Vedy ob uklade žizni I istoke very slavân*, Moskva 2017.
- Mitrofan L. N., *Religii «Novogo veka»*, Moskva 1985.
- Ožiganova A. A., Filippov Ū. V., *Novaâ religioznost' v covremennoj Rossii: učenâ, formy i praktyki*, Moskva 2006.
- Osnovy veroyčeniâ*, „Severnyj veter” (2013) № 3, s. 14–19.
- Osnovy veroyčeniâ*, „Severnyj veter” (2013) № 4, s. 18
- Pogančik M., *Èlementarnye sušestva. Čuvctvennáâ žizn' zemli*, Kaluga 2003.
- Rebinder B., *Vlesova kniga: žittâ ta religiâ slov'ân*, Kiïv 1993.
- Russkoe âzyčeskoe mirovozzrenie: prostranstvo smyslov. Opyt slovarâ s poâsneniâmi*, pod obš. red. S. Ermakova, Moskva 2008.
- Slovo Alekseâ âzyčnika rodu russkomu*, Moskva 1992.
- Samojlova G. S., *Antroponimy kak sposob samovyraženiâ v âzyčeskikh tečeniâh, v: Âzyčestvo v sovremennoj Rossii: opyt meždisciplinarnogo issledovaniâ*, red. R. V. Šiženskogo, Nižnij Novgorod 2016, s. 190–200.
- Surovegina E. S., *Interv'û c volhvom Vadimom*, „Colloquium Heptaplomeres: Naučnyj al'manah”, Nižnij Novgorod 2016, vyp. 3, s. 92–96.
- Šiženskij R. V., *Filosofiâ dobroj sily: žizn' i tvorčestvo Dobroslava (A. A. Dobrovol'skogo)*, Nižnij Novgorod 2014.
- Šižens'kij R., «Âv», «Prav» i «Nav» âk religijno-filosofs'ki osnovi slov'âns'kogo neoâzičnicva, „Kolegiâ. Časopis Institutu religijnih nauk sv. Tomi Akvins'kogo u Kiïvi” (2011) № 7 (20), s. 122–133.
- Vasil'ev M. S., Georgis D. Ž., Speranskij N. N., Toporkov G. I., *Russkij âzyčeskij manifest*, Moskva 1997.
- Veslav V., *Obrâdnik*, Moskva 2003.
- Veslav V., *Radeniâ v Hrame Moreny*, Moskva 2014.
- Veslav V., *Rodnye Bogi Rusi*, Moskva 2009.
- Veslav V., *Slavânskaâ Kniga Mertvyh*, Moskva 2015.
- Veslav V., *Vešij Slovník: Slavleniâ Rodnyh Bogov*, Moskva 2007.

Velesova kniga, prevod i komentarii A. I. Asova, Moskva 1994.

„Vikkanskij Vestnik” 2013, № 4.

Volodihin D., *Fenomen Fol'k-Histori*, „Naučno-prosvetitel'skij žurnal «Skepsis»”, http://scepsis.net/library/id_148.html (10.04.2017).